

В письме к Некрасову от 5 ноября 1856 года Чернышевский выразил убеждение, что Некрасову суждено «быть в поэзии создателем совершенно нового периода».³² Быть «создателем нового периода» под силу только художнику-новатору. В 1855—1856 годах Некрасов взял в свое ведение один из важнейших отделов «Современника» — «Заметки о журналах» — и вел его почти целый год. «Заметки о журналах» — это ряд критических фельетонов, выявляющих отношение журнала к явлениям литературной современности.

«Заметки о журналах» представляют собой последний этап деятельности Некрасова как критика. Свыше пятнадцати лет — с 1841 по 1856 год — выступал Некрасов на критической арене. Его первые опыты в этом направлении носят еще несколько бледный, ученический характер, но, вообще говоря, рост Некрасова как критика совершается очень быстрыми темпами. Знакомство Некрасова с Белинским явилось результатом близости их критических оценок. Об этом Некрасов говорит в своей автобиографии: «Отзывы мои о книгах обратили внимание Белинского, мысли наши в отзывах отличались замечательным сходством, хотя мои заметки в газете по времени часто предшествовали отзывам Белинского в журнале. Я сблизился с Белинским».³³

Уже на ранних этапах своей критической деятельности Некрасов ратует за содержательность и идейность художественных произведений, за их естественность и близость к действительности. А потому вполне естественно, что он восставал против вульгарного эпигонского романтизма (рецензии на «Сто русских литераторов», 1841; «Очерки русских нравов» Ф. Булгарина, 1843; «Казачи» А. Кузьмина, 1843, и т. д.) и вел последовательную борьбу за гоголевское направление (фельетон «Литературные новости», 1844; рецензии на первую часть «Физиологии Петербурга», 1845; роман В. А. Соллогуба «Тарантас», 1845; первые два выпуска «Музея современной иностранной литературы», 1847; комедию И. С. Тургенева «Холостяк», 1849, и т. д.). Своими критическими статьями Некрасов включался в борьбу с крепостничеством.

Борьба же с крепостным правом неизбежно приводила передовых людей того времени к борьбе с главной опорой крепостничества — самодержавием.

Таким образом, уже в середине 40-х годов Некрасов примкнул к революционно-демократическому крылу русской общественности, в основе взглядов которого лежало чувство патриотизма. Вот почему особого внимания заслуживают следующие проникновенные слова Некрасова из «Заметок о журналах за сентябрь 1855 года»: «Любовь к отечеству заключается прежде всего в глубоком, страстном и небесплодном желании ему добра и просвещения, в готовности нести ему на алтарь достояние и самую жизнь; и горячем сочувствии ко всему хорошему в нем и в благородном негодовании против того, что замедляет путь к совершенствованию...» (IX, 313).

При таком взгляде на патриотизм естественно, что Некрасов пришел к убеждению, что литература только тогда сможет достойно послужить родине, когда поставит своей целью воспитательное воздействие на общество. Он не устает твердить, обращаясь к современным ему писателям: «Учите нас быть лучшими, чем мы есть; укореняйте в нас уважение к доброму и прекрасному, не потворствуйте вторгающейся в общество апатии к явлениям сомнительным или и вовсе презренным, но обнажайте и преследуйте подобные явления во имя правды, совести и человеческого достоинства; растолковывайте нам наши обязанности человеческие и гражданские, — мы еще так смутно их понимаем...» («Заметки о журналах за июль месяц 1855 года», IX, 291). Предъявляя подобные требования к литературе, Некрасов не мог не возлагать на пишущих большой и серьезной ответственности. В «Заметках о журналах за март 1856 года» читаем: «...только тот из писателей имеет право на симпатию и уважение читателя, кто шевелит его сердце, пробуждает негодование ко всему низкому и презренному, кто касается серьезных общественных вопросов, в ком энергия, мысль и правда идут дружно рука об руку» (IX, 396).

Правда — одно из важнейших требований, предъявляемых Некрасовым искусству, и восторг, с которым он приветствовал литературные дебюты Л. Толстого, в основном объясняется тем, что в нем он увидел одного из величайших представителей «правды». По поводу рассказа «Севастополь в августе 1855 года» Некрасов писал в «Заметках о журналах за декабрь 1855 и январь 1856 года»: «Достоинства повести первоклассные: меткая, своеобразная наблюдательность, глубокое проникновение в сущность вещей и характеров, строгая, ни перед чем не отступающая правда...» (IX, 372—373). А несколько позже, в одном из писем к Л. Толстому (от 2 сентября 1855 года), Некрасов твердо заявлял: «Не хочу говорить, как высоко я ставлю эту статью и вообще направление Вашего таланта и то, чем он вообще силен и нов. Это именно то, что нужно теперь русскому обществу: правда — правда, которой со смертью Гоголя так мало осталось в русской литературе» (X, 240—241).

Подобное отношение Некрасова к Гоголю определило его отношение к борьбе сторонников так называемого «пушкинского» и «гоголевского» направлений. В одном из писем (от 16 сентября 1855 года) к В. П. Боткину он пишет: «... прочел я, что пишет тебе Дружинин о Гоголе и его последователях, и нахожу, что Дружинин просто врет и врет безнадежно, так что и говорить с ним о подобных вещах бесполезно... Мне кажется, в этом деле верна одна только теория: люби истину бескорыстно и страстно, больше всего и, между прочим, больше самого себя, и служи ей, тогда всё выйдет ладно: станешь ли служить искусству — послужишь и обществу, и наоборот, станешь служить обществу — послужишь и искусству...» (X, 247). Некрасов очень хорошо понимал, что это якобы «пушкинское» направление представляет собой не что иное, как фальсификацию, ибо то, что пропагандировал Дружинин под ярлыком «пушкинского» направления, до крайности уродовало и искажало облик великого поэта, низводя его до уровня сторонника «чистого искусства», «искусства для искусства», каковым Пушкин никогда не был. К этой теории же Некрасов относился глубоко отрицательно. «Нет науки для науки, — писал он в «Заметках о журналах за июль месяц 1855 года», — нет искусства для искусства, — все они существуют для общества, для облагораживания, для возвышения человека, для его обогащения знанием и материальными удобствами жизни...» (IX, 296).

Ни в малой мере не считая Пушкина сторонником «искусства для искусства», Некрасов говорит о нем в «Заметках о журналах за ноябрь 1855 года» с таким восторгом и любовью, что становится ясным, что никогда он не уступит его эстетам дружининского типа.

В спорах о «пушкинском» и «гоголевском» направлениях, о теории «чистого искусства» Некрасов занимал позицию, очень близкую к той, которую занимал Чернышевский. Вообще, если в 40-е годы эстетические взгляды Некрасова формировались под явным и непосредственным влиянием Белинского, то в 50-е годы на них известное действие оказал автор «Эстетических отношений искусства к действительности». Однако уже в 40-е годы, находясь под несомненным влиянием Белинского, Некрасов никогда не был простым его подражателем: он творчески усваивал и творчески перерабатывал его идеи. В 50-е годы, сблизившись с Чернышевским, Некрасов был уже человеком со сложившимся мировоззрением, и Чернышевский это очень хорошо понимал. С полной искренностью, хотя, быть может, и несколько перегибая палку в одну сторону, он писал Некрасову 24 сентября 1856 года: «...Вам... критика вовсе не нужна: я не знаю, какие ошибочные убеждения нужно было бы Вам исправлять в себе».³⁴ Было бы, однако, опрометчиво отрицать возможность известного влияния Чернышевского на Некрасова.

«Заметки о журналах» и стихотворные декларации Некрасова позволяют утверждать, что его эстетическая мысль стояла на высоком теоретическом уровне. К этому же выводу приводит и еще сравнительно ранняя статья «Русские второстепенные поэты» («Современник», 1850, № 1), в которой Некрасов впервые в русской критике заговорил о Тютчеве, как о «первостепенном поэтическом таланте» и утвердил за ним почетное место в истории русской поэзии.

Примечания

³² Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. XIV, стр. 323.

³³ «Литературное наследство», кн. 49—50, стр. 164.

³⁴ Н. Г. *Чернышевский*, Полное собрание сочинений, т. XIV, стр. 316.